

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Что скрывает прилив
Зимняя Чаша
Все звезды и клыки
Буря времен года
Тени между нами
Щит магии
Рожденный в огне
Не зови волка
Голубка и ворон
Морская ведьма
Наследницы моря
Проклятие Джека-фонаря
Это гиблое место
Эхо Севера

САРА ГУДМАН

Поцелуй
сумрака

Freedom

Москва
2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г93

Sarah Goodman

EVENTIDE

Copyright © Sarah Goodman, 2020

This edition published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency.

В коллаже во внутреннем оформлении использованы фотографии:

© RODINA OLENA / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Гудман, Сара.

Г93 Поцелуй сумрака / Сара Гудман : [перевод с английского А. Харченко]. — Москва : Эксмо, 2021. — 512 с. — (Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мира).

ISBN 978-5-04-115751-7

Каждый, кто шагнет в лес после заката, не сможет укрыться от сумрака...

Мать Верити и Лайлы умерла. Их отец не смог справиться с потерей любимой жены и оказался в сумасшедшем доме. Теперь сестры стали сиротами, которых вот-вот отправят в дружную семью.

Одиннадцатилетняя Лайла быстро находит новый дом, а семнадцатилетняя Верити — нет. Стараясь держаться поближе к сестре, Верити устраивается работать на ферму. Но даже тяжелая работа не помогает девушке отвлечься: она чувствует, что в маленьком городке что-то не так. Пугающие сны посещают ее каждую ночь, а у таинственного колодца в лесной глуши Верити все чаще встречается призрачные фигуры. Девушка решает разобраться, что на самом деле происходит в ее новом доме. Однако есть те, кто не намерен делиться своим прошлым. И они сделают все, чтобы похоронить свои тайны как можно глубже.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Харченко А., перевод на русский язык,
2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-115751-7

*Ханне Уэст,
гениальному партнеру по критике
и верной подруге.*

Морозный ветер завывал над пустыми полями, разгонял перед собой снег, словно испуганную дичь, и мчал по обширным территориям ферм и маленьким городкам со сбившимися в кучку домами. Буря пронеслась мимо причудливого пастората, что ютился рядом с деревенской церковью. Ей не было дела до девушки, которая стояла на коленях подле иссушенных зимой кустов роз.

Девушка, в свою очередь, тоже не обращала на бурю никакого внимания. Она рыла мерзлую почву до тех пор, пока не выкопала неглубокую яму. Затем осторожно опустила в холодную землю шляпную коробку и смотрела на нее, пока снег припорошивал ей ресницы.

Вытащив тонкую цепочку из-под сорочки, она дрожащими пальцами растегнула за-

стежку, и в грязную ладонь скользнуло золотое кольцо.

Она скрывала его месяцами. Теперь оно будет скрыто навеки.

Девушка сняла крышку с коробки. Ее содержимое было спрятано под клочком ткани, оторванной от старого стеганого одеяла. Она не заглядывала под тщательно подоткнутые края. Она уже поцеловала идеальные крошечные губки, запомнила очертание закрытых глазок младенца и пушистые волосы оттенка розового золота. Кольцо скатилось с ладони на ткань. Девушка закрыла коробку и наблюдала, как снег медленно укрывал маленькую могилу.

Затем поднялась на ватных ногах. И, не оглядываясь, ушла в бурю.

1

Июнь, 1907 год

В пассажирском вагоне было тесно, как в новеньком сапоге, и жарко, как в шестом круге Ада.

В качестве прощального подарка приют вручил нам по комплекту одежды, но поскольку я старше, мне также досталась красивая шляпка: широкополая, украшенная искусственными цветами — все в соответствии с последними тенденциями в моде. Я сняла ее и обмахнула вспотевшее лицо. Вряд ли там, куда мы направлялись, нужно выглядеть стильно.

Сквозь открытые окна в поезд ворвался влажный ветер. Я не осознавала, что вполуха прислушивалась к царапанью перьевой ручки по бумаге, пока звук внезапно не оборвался. Лайла оторвалась от своего занятия и взглянула на меня с капелькой чернил на кончике вздернутого носа.

— Мне только что пришла в голову замечательная идея для истории! Нужна еще бумага. — Она показала ручкой на небольшой сундук у моих сапог.

— Что, опять? — Вздохнув, я убрала ноги, чтобы она в десятый раз откинула крышку. Лайла принялась искать чистую бумагу, и страницы с шелестом соскользнули с ее колен.

— Нужно немедленно все записать, пока я не забыла! — объяснила моя младшая сестра со всей серьезностью, свойственной одиннадцатилетним девочкам.

— Только осторожно, не переверни книги отца. И сотри чернила с носа.

Вытерев лицо рукавом, Лайла отодвинула в сторону потрепанные экземпляры «Лечение в общей практике» Бекмана и «О профилактике туберкулеза» и достала сложенный лист цвета слоновой кости.

— Можно взять это?

Между ее пальцев было зажато мое письмо о принятии в Университет Святого Лаврентия. Я с трудом сглотнула и забрала его.

— Поищи что-нибудь другое, ладно?

Она продолжила копаться в сундуке, а я взглянула на величавый фирменный бланк, вспоминая свое ликование при первом прочтении. Кажалось,

будто сам ангельский хор пропел первую строку: «Мы с удовольствием принимаем ваше заявление о поступлении...», за коей следовало описание стипендии, полученной за академические заслуги.

Я столько ночей училась до седьмого пота, горящих глаз и погасшей свечи; столько мечтала о том, как мы вернем себе место в обществе, — и все напрасно.

Разгладив страницы, я осторожно вложила письмо в выцветший сборник сказок, который родители читали мне перед сном. Умостившись на кровати между ними, я обводила слова, которые они зачитывали, и делала вид, будто мои крошечные пальцы оживляли мудрых дев и храбрых принцев. Ныне же те деньки казались далекими и ненастоящими, как волшебные сказки, которыми они наполнились.

Я повернулась к Лайле — та снова что-то быстро строчила.

— О чем твоя новая история?

Сестра постучала ручкой по чистой бумаге на коленях.

— О девочке, которая отправляется в путешествие по неведомому морю. В конце концов ее прибывает к берегу, где все зачарованно... даже небо. А облака — из сахарной ваты.

Я обвела взглядом переполненный грязный вагон, подпрыгивающий на рельсах.

— Почему ты никогда не пишешь о том, что может произойти в реальности?

Лайла подняла на меня полные жизни карие глаза.

— Как же, наверное, скучно в твоей голове, Верити. У тебя совсем нет воображения.

— От богатого воображения одни неприятности, — парировала я.

В голову невольно закрались воспоминания о папе, каким он был раньше. До того, как граница между реальным и вымышленным размылась в его разуме, и из каждого закутка выползли кошмары, которые видел только он.

Я перевязала ленту на кончике светло-рыжей косы Лайлы. Когда папино безумие усугубилось, забота о том, чтобы мы не остались голодными и голыми, легла на мои плечи, и у меня совершенно не было времени предаваться фантазиям.

— Не грызи ногти! Одному Богу известно, сколько микробов в этом поезде. Настоящая чашка Петри на колесиках.

Лайла вздохнула.

— Ты самая строгая сестра в мире.

— Скорее всего, — согласилась я, прислоняя голову к окну. — Но кто-то же должен позаботиться о нашем выживании.

За мутным стеклом до самого горизонта простирались опаленные солнцем луга. Вдали от высоких домов небо будто находилось слишком близко, как гигантская крышка, заключившая под собой всю духоту жаркого дня и нас в придачу. Капельки пота стекали по вискам и вызывали жжение, попадая в уголки глаз. Детские крики и непрерывный грохот колес поезда действовали на нервы.

Убрав влажную прядь со щеки, я поискала взглядом мисс Пимслер. Представительница Детского благотворительного общества сидела в начале вагона и — вот те на — вязала шерстяной шарф.

Я встала и пошла бочком по проходу в ее сторону; моя юбка легонько колыхалась, щекоча голени. Поезд покачнулся на повороте, и, ударившись бедром о сиденье, я непроизвольно ахнула.

Мисс Пимслер подняла голову; ее круглое лицо сияло то ли от искренней доброжелательности, то ли от пота. Губы растянулись в самодовольной улыбочке человека, который творит добро и не против, если вы обратите на это внимание.

— Тебе что-нибудь нужно, Верити?

Вообще-то да. Но вряд ли она даст мне два билета обратно в Нью-Йорк.

— Не подскажите, сколько нам еще ехать?

Мисс Пимслер выудила из-под блузки подвеску с эмалевыми часами.

— Мы прибудем в Уилер всего через пару минут. — Она с щелчком захлопнула часы. — Ты знала, что много лет назад твои родители жили в этой части Арканзаса? Поэтому я и посадила вас с Лайлой на этот поезд.

Я удивленно наклонила голову.

— Правда?

Мисс Пимслер кивнула.

— Насколько я знаю, твоя мать провела тут юность — по крайней мере, какую-то ее часть. Твой отец тоже ненадолго сюда приезжал.

Меня охватило любопытство, за коим последовала старая добрая боль.

— Наша мама умерла девять лет назад, а папа... — я не закончила предложение. Нет смысла говорить, что он был не в том состоянии, чтобы делиться историей нашей семьи — даже до недавнего попадания в психиатрическую лечебницу.

Мисс Пимслер тихо цокнула языком.

— Верити, ты умная, находчивая девочка. Уве-

рена, тебя ждет прекрасная жизнь с новой семьей, кем бы они ни были. Бог не даст тебя в обиду.

Я чуть не нахмурилась.

— Почти то же сказала тетя Сьюзен в своем письме.

Мы никогда не встречали нашу единственную живую родственницу, но в своем гадостном ответе на просьбу взять нас с Лайлой в семью она сказала, что это «абсолютно невозможно». Суд счел недопустимым, чтобы семнадцатилетняя девушка и ее сестра были предоставлены самим себе, так что отказ тети Сьюзен стал последним гвоздем в крышку гроба, благодаря чему мы и оказались в приюте Детского благотворительного общества три месяца назад.

— Судя по всему, твоя тетя — мудрая женщина, — мисс Пимслер погладила меня по руке. — Мы должны верить, что все происходит в нашей жизни так, как и было задумано.

Я закусила губу, чтобы сдержать едкий ответ, и пошла обратно по проходу. Пусть мисс Пимслер и тетя Сьюзен верят в судьбу, предназначение или загадывание желаний на падающей звезде. Я же предпочитаю полагаться на себя.

Мечтам о колледже никогда не сбыться, но через семь месяцев мне исполнится восемнадцать. Тогда